

Ольга Кривовяз: Сначала я задам обязательные вопросы. Ваша фамилия, имя, отчество, год и место рождения, образование и должность и место работы.

Лидия Дохотару: Дохотару Лидия Константиновна. Девичья фамилия Келе Лидия Константиновна. 1940 года рождения, 30 июля. В поселке или селе Сэнжерей Векь Бельцкого уезда. Отец Константин Келе уроженец коммуны Бухалнице, Пятро-Нямц, Румыния. А мама уроженка Сэнжерей Векь, уезд Бэлыц. Отец родился в 1910, мама в 1913 году. Поженились они в 1937 году. Отец по образованию был финансист, он работал инспектором или ревизором фиска, а мама – учительницей младших классов. Она закончила Ясскую педагогическую школу и была направлена назад, откуда она, в Сэнжерей Векь. В 1940 году Бессарабия или сегодняшняя Республика Молдова была оккупирована советскими войсками, и со сменой власти сменилась жизнь моих родителей. Они были занесены в так называемый черный список и 13 июня 1941 года, когда была первая волна депортации, мы наряду с другими попали в этот список и в ночь с 12 на 13 июня 1941 года были арестованы. Мне было 10 месяцев. И вот наша семья из 3х человек была эвакуирована до Бэлыц. А там с другими, как и мы, были погружены в вагоны, в которых до этого перевозили скот, запачканные навозными остатками, без каких-либо удобств, не зная куда везут, везли этих людей в никуда, в Сибирь. И окон не было, но где-то под потолком было небольшое решетчатое окно, небольшое. И мама рассказывала, что как-то промелькнула, пролетела птица, и у мамы возникла такая мысль: почему я не как эта птица, чтобы вылететь отсюда из этого кошмара и вернуться назад домой. Так вся семья вместе – отец, мама и я на руках у родителей – доехали от Бэлыц до станции Шолдэнешть. Станция Шолдэнешть на берегу Днестра. Там мужчин разделили, в другие вагоны забрали, а женщин, детей и стариков оставили в этих вагонах, в которых они выехали из Бэлыц. Всех мужчин везли в печально известный Ивдель. Если по официальным данным был самый большой – более 31.000 – завоз заключенных в Ивдель, то по некоторым данным, которые я читала здесь у нас в Молдавии, более 20.000 это были мужчины из Бессарабии, из Молдовы. И это были в основном молодые люди разных профессий, разных национальностей. Но участь их была очень горькой, потому что очень мало узников Ивделя выжили. Все они нашли свой конец там. А мы с мамой – она в своих воспоминаниях описывает – доехали в этих грязных вагонах до Новосибирска. Там вагоны подъехали к пристани и по Оби на барже – она тоже описывает этот кошмар – ехали до Парабели. Там перегрузили на другие баржи по Парабели до Чузика. А потом по тайге пешком со мной на руках – до заброшенного и забытого в тайге небольшого поселка Кулики, который сейчас даже не существует на карте. Вот там была «станция терминус» – последняя остановка. Мама не могла понять почему, за какие грехи, что сделала она, мой отец и остальные тысячи и тысячи людей, в чем была их вина, что их вдруг осудили и за тысячи километров от родных мест повезли в незнакомые места. Она не знала русского языка, она не знала обычаев, которые были в этих местах. И она мне не раз говорила, что когда она смотрела на меня – маленькую и беспомощную, ни в чем неповинную, она себе сказала: «Я должна выжить и спасти этого ребенка». Мы сумели выжить, но очень много погибло людей. Не имея никакой вины – ни перед государством, ни перед обществом – эти люди погибали от нищеты, от голода, забытые всеми. И потом никто не знал, куда везут, что там ждет, чтобы взять какие-то с собой вещи, учитывая, что сибирские зимы холодные. По приезду туда все совершеннолетние вынуждены были подписать документ, что они дали добровольное согласие переехать на место жительства в Сибирь. Кто не соглашался, тех ждало суровое наказание. В Куликах не было каких-то предприятий, каких-то других организаций, где бы могли эти несчастные люди заработать что-то на жизнь. Был только небольшой, захудалый колхоз. И тоже их обязали подписаться, что они добровольно вступают в этот колхоз. Никаких документов, подтверждающих их социальный статус, не было. Все забрали. Не имея паспорта, не имея ничего, оттуда выбраться было невозможно. Как долговая яма. Мама рассказывала, что на первых порах она почувствовала сочувствие и доброжелательность со стороны тех жителей, которые были в

этих Куликах. Это небольшое село, но в основном тоже люди, которые тоже когда-то были в свое время сюда завезены или добровольно приехали – кто его знает? Но они с сочувствием, с состраданием относились к тем, которых привезли в 1941 году. В Молдавии было 3 волны депортаций: 1941, 1949 и 1951 год. И самая такая жестокая была волна 1941 года, потому что семьи разделили – мужчин забрали в лагерь, где они погибали от болезней и от голода, а женщины с детьми тоже погибали, мучались тоже от голода, болезней, нищеты там в сибирских поселениях. Даже если, хорошо, в чем-то обвинили, сослали, но чтоб были созданы хотя бы минимальные условия для жизни. Никто не заботился об этом. И у мамы на протяжении жизни вот такая встала как сакраментальная идея – за какие грехи, чем мы согрешили, ну почему нас так жестоко и тяжело наказали? И никто ей не ответил на эти вопросы. В Куликах она работала на тяжелых работах. Учительницей ей не разрешили работать. Она была «враг народа», я была маленькая. И она, когда работала и на сенокосе, и копала, и на лесоповале – тяжелый физический труд, спасало то, что она сама была из простой крестьянской семьи, в какой-то мере была привыкшей к этим тяжелым физическим работам. Но платили очень мало, надо было как-то искать выход, чтобы спасти и себя и в тоже время она говорила, что если я спасу себя, то спасу и тебя, то есть меня.

В Куликах мы прожили вот так по ее воспоминаниям до 1944 года. Многие, которые там были, имея какие-то там небольшие запасы денег там или вещей, что они смогли прихватить с собой, сумели каким-то образом вырваться хотя бы в Пудино, районный центр. Там были государственные учреждения, можно было где-то еще устроиться работать, заработать себе на жизнь каким-то образом, потому что никто не беспокоился о том, что с этими людьми, что с ними. И чтобы каким-то образом вырваться из Куликов... но она дала подпись, что она добровольно вступает в колхоз, что она там должна работать... По совету других тоже сосланных и по совету одной из... звали ее Марина Алексеевна Гарбузова... по советам составили фиктивный брак (она описывает это в своих воспоминаниях) с одним молодым человеком, которого потом забрали в Томск на работы, но он жил в Пудино. Она посадила меня в санки зимой, через сугробы везла в Пудино. Я все время была свидетелем ее страданий, ее мучений. Она была очень честный человек, она старалась никого не обидеть, никому не причинить зла. И мне говорила: «Ни с кем не своди счеты, не имей зла. Оставь человека на божий суд. Не нравится – отойди в сторону, но не делай плохого». И так она сама поступала в жизни.

В Пудино ее определили работать в артели «Луч севера». Там были различные мастерские. Была и сапожная мастерская, и столярный цех, была и швейная мастерская. И вот эти физические работы подорвали ей здоровье, хотя она была и молодая. И тоже по совету других сосланных – иди к единственному врачу, который был там в Пудино (Ольга Крюкова), иди к ней, она может тебе поможет чем-то. И вот когда я знакомилась с личным делом, я нашла небольшой клочок бумаги, на котором этот душевный человек Ольга Крюкова пишет маме диагноз – хроническая недостаточность митрального клапана, противопоказаны тяжелые физические работы. И тоже по совету других женщин, потому что были женщины и дети сосланы, власть боролась с нами – с женщинами и детьми, она пошла в комендатуру, и ей было разрешено перейти в швейную мастерскую, больше не быть на этих тяжелых физических работах.

Очень тяжелые воспоминания, но я лично и мама тоже в душе своей сохранили имена тех людей, которые нам помогали – кто словом, кто кусочком еды, кто и тем и другим. И как-то вот так потихоньку мы продолжали жить, существовать без какой-либо надежды на будущее. И мама мне потом часто говорила: «Я смотрела, ты растешь – что будет с тобой? Потому что в тех условиях для всех сосланных была одна судьба – лес, пила, топор, физические работы в тайге». В детский садик меня не брали, так росла – сама по себе. Как две былинки на ветру, вот так вот мы с мамой. Она работала, уже когда перешла в швейную мастерскую, с 8 утра до 8 вечера. Но заработок был маленький, очень маленький. Как-то все отсчитывали в пользу государства. И швейную машину,

которую ей там дали в мастерской, заставили ее оплатить. И из ее заработка высчитывали в счет этой машины, чтобы она была оплачена ею, чтоб она могла на ней работать. Есть вещи, которые я от нее знаю, она мне рассказывала, потому что я была маленькая. Но есть и случае, есть и люди, которых я уже знаю, подросла, я с ними общалась, видела этих людей, видела их страдания. Мы были очень разные, но нас объединяло одно – несправедливость... И вот общее было то, что люди страдали. И когда спрашивали, почему ты здесь, каждый отвечал «не знаю».

Ну что еще было тяжело кроме этих тяжелых физических работ и борьбы за существование, это ежемесячное явление в комендатуру. Это была психологическая травма, это было психологическое давление. И когда я была поменьше, мама меня у кого-то оставляла. Когда я подросла, уже начала понемножку разбираться в жизни и то, что происходит, хотя не осознавала еще до конца всего, она когда шла в комендатуру, она со мной прощалась – обнимала, целовала, а потом говорила то, что если мама не вернется (то, что мне поначалу не было понятно), то чтобы ты не осталась в Сибири. «Послушайся Марину Алексеевну, что она тебе скажет, чтобы ты вернулась в Молдову». Почему она мне так говорила? Потому что эти несчастные сосланные, которые являлись в комендатуру, их еще раз арестовывали и увозили только одному богу известно куда. И в своих воспоминаниях она о некоторых пишет. Ни в чем неповинные люди – их снова наказывали. Вот этот страх, когда кого-то еще арестовывали, он какое-то время еще существовал среди сосланных, но потом потихонечку успокаивались, и жизнь шла вперед – тяжелая, с многими неизвестными, без какой-либо защиты. Никто не защищал. Мы были бесправные, мы не имели каких-либо прав.

Вот я не историк, я не журналист. Я далека от исторических наук, но пройдя такую тяжелую жизнь, видя страдания мамы, меня лишили отца с 10 месяцев, я сама начала так интересоваться, почему происходит это, для чего все это делается, чтобы так унижать человеческое достоинство, чтобы так глумиться, издеваться над человеческими судьбами совершенно невинных людей. Хочу сказать, что эти репрессии, эти депортации, тюрьмы, они не имели ни возраста, ни национальности, они касались без разбора многих человеческих судеб. И мне кажется, драма наша началась с 1939 года, 23 августа в Москве был подписан пакт, который вошел в историю как пакт Риббентроп-Молотов. Два криминала – Гитлер и Сталин – они между собой никогда не виделись. Но они действовали через своих министров. И я видела совершенно недавно кадр подписания этого пакта – очень довольный Сталин, Риббентроп и Молотов тоже пожимают себе, довольные, руки, что они подписали этот договор. Но они, собственно, подписали приговор нам – тысячам и тысячам невинных людей, потому что они делили сферы влияния между собой, между своими странами. И помимо балтийских стран там как бы вот секретным, отдельным документом, была аннексия Бессарабии к России, к СССР. И 22 июня 1940 года Бессарабия была оккупирована советскими войсками и началась расправа. Многих сажали в тюрьмы, других казнили на месте, других ссылали в Сибирь. И первый вал депортации или первая волна депортации была именно 13 июня 1941 г. После войны то, что не успели сделать до войны, сделали в 1949 году – вторая волна депортации. И в 1951 году была третья волна, и готовилась четвертая волна депортации. К чему это все людей, которые привыкли к какой-то своей жизни, своей обстановке, имели родственников, имели какие-то свои рабочие места, они приносили пользу государству. Вдруг в одну прекрасную минуту их лишили всего и сделали из них незаконопослушных или виновных в чем-то или перед кем-то. Но так и непонятно, в чем вина нас всех, потому что в 90е годы, когда начались реабилитации, мы получили документы «реабилитированы, как необоснованно репрессированные», без оснований. Но столько страданий, столько людей погибло. И я была маленькая, и мама мне часто говорила: «Очень хорошо, что ты была маленькая, не все осознавала». Но я видела, как она мучилась, я видела, как она страдала, я видела, как она старалась и всегда мне говорила: «Никого не обижай, ни на кого не злись, ни с кем не своди счеты, старайся быть... Уважай себя, уважай других так, как ты себя уважаешь или как бы ты хотела, чтоб тебя уважали». Вот так она меня воспитывала. И вы знаете,

запомнились имена людей. Сама та обстановка, в которой мы жили, она была очень тяжелой, пагубной, потому что только что стоили эти ежемесячные явления в комендатуру. Это была... Для меня ребенка, когда я начала вот так сознавать, было тяжело. Я с нетерпением ждала возвращения мамы. Когда она возвращалась, это для меня была радость. А для нее – молодая, только начинала жизнь, и вдруг оказалась в такой бесправной, неопределенной, очень тяжелой атмосфере, обстановке. Но мы с мамой вынесли оттуда имена людей, которые тоже страдали. Там было много сосланных в 1930-е годы. И потом среди нас, попозже которые были сосланы, как-то я так подсчитала были и кроме нас румын из Бессарабии были сосланы русские. Особенно донские и кубанские казаки и даже из Омской области, оттуда из Сибири. Были украинцы, были латыши, были немцы с волги, были евреи, были чеченцы, поляки, разные нации. И все очень порядочные люди, добропорядочные. Вот это нас объединяло – общее страдание, общая несправедливость. И в своих воспоминаниях мама упоминает многих людей, которые по ее мнению, по тому, как складывалась ситуация, помогали, помогли нам даже выжить. В школе, когда я пошла в школу в 1-4 класс была не совсем доброжелательная учительница, но в 5 классе у меня была классная руководительница Анна Ивановна Заблоская. У нее был сын, и кто его знает, может там в Сибири есть ее потомки, внуки, правнуки. Удивительная женщина, небольшого возраста, светло-серые глаза, скуластое лицо, простая русская женщина, но сколько в ней было души. И она часто меня подбадривала. Не раз она мне говорила: «Ты учись, у тебя головка, ты учись, старайся, не смотри ни на что, старайся, пригодится». Вот так она меня подбадривала. Брала меня для участия в различных школьных мероприятиях. Даже спектакли она ставила, она была учительницей русского языка. Очевидно, она сама составляла эти сценарии и брала нас детей. Она к нам очень ласково обращалась, она говорила «дети» всем. «Ну дети, давайте посмотрим». Другой человек, который сыграл большую роль в нашей жизни, это Ольга Крюкова. Я не запомнила ее отчество, но я хорошо запомнила ее внешность. Она была небольшого роста, горбатая, изъеденное оспой лицо. Она была такого азиатского типа. Кто его знает, может она была из остяков или других местных. Но какой души человек она была! Она 2 раза спасла маме жизнь. А раз она спасла маме жизнь, значит она спасла и мне. И даже когда мама лежала в больнице, после этого она дала кое-какие лекарства. Она ее все приглашала делать ей кое-какие процедуры. Она была немногословная, но очень добрая, располагала к себе. Были и другие люди. Вот была семья казаков с Кубани, кубанские казаки. Им разрешили выехать домой. Я забыла фамилию, но помню имя – тетя Маша. Вот эта тетя Маша она меня часто... то даст мен кружечку молока, то кусочек хлеба. И когда она уезжали, она маме сказала: «Екатерина, вы помрете тут с голоду. Давай мы возьмем твою дочку с нами. Вырастим ее там». Я была еще маленькая, мама мне уже рассказывала этот разговор. Мама ей ничего не ответила. Она говорит: «Я на нее посмотрела и навернулись слезы на глаза». И она сказала: «Я не хотела обидеть. Это твой ребенок, но вам будет тяжело». Но дал бог – помогли люди добрые. Так потихонечку мы выбирались из этого тяжелого состояния. И вот времена меняются, меняется обстановка, но боль в душе остается. Как открытая рана. Иногда я не хочу ее тревожить, забыть, это все прошло больше не повторится. Так хочется думать, что больше не повторится это несчастье, которое настигло тысячи и тысячи невинных людей. И когда мама начала писать свои воспоминания, я говорила: «Мама не надо возвращаться, так тяжело все это вспоминать, все это описывать». Она мне сказала: «Ты знаешь, бог мне оставил жизнь, судьба мне помогла пройти через все трудности. Я обязана, я хочу оставить, чтоб другие прочитали, сколько людей страдало совсем невинных, особенно дети». И там в Сибири мы были женщины и дети. И власть с нами «воевала». Вот когда она описывала эти семьи... Она мне рассказывала, есть вещи, которые она мне рассказывала, я была маленькая. Я как-то воспринимала это с болью вот так, потому что я ведь тоже через это прошла – через холод и через голод. Но когда я прочитала... вот она начала писать ее первую рукопись. Когда я прочитала, я сказала: «Мама, это страшно, это геноцид, тебе никто не поверит, что так можно». Она мне сказала: «Ты была маленькой и очень хорошо, что ты все это не видела. И даже если видела, не могла воспринять так, как оно есть. Но я не могу, я хочу высказаться, а ты сделай что

захочешь с моими записями». И вот так она по ночам сидела и описывала свою судьбу и не только свою, а и других людей, которые страдали рядом и погибали без вины виноватыми. И мне кажется сейчас поколение, которые идут, должны защитить этих людей, воскресить их имена, сделать все возможное, чтобы этого больше не повторилось. Вот вообще история как наука, она очень правдива. Она собирает все данные в своих анналах. Она собирает все цифры, все события, но не все историки справедливы, и искажают историю политики. И поэтому каждый уважающий себя и свою профессию историк (я так считаю, может я ошибаюсь) должен говорить правду, так, как было. Вот эти депортации, тюрьмы, вот этот террор, красный террор он, мне кажется, не имеет оправдания. И мы воскресим имена, которые пострадали, только сказав правду обо всем, что было, справедливо сказать правду. Осудить тех, которые... не народ, ни в коем случае не народ, а систему, которая была создана для уничтожения людей и таким образом вселять в души этих людей страх, раболепство, какой-то послушание без каких-либо раздумий. Во-первых, это унижительно для человека, а во-вторых, пагубно, потому что человек, который не имеет своего мнения, человек, который слепо подчиняется, он уже не человек. Он становится как раб, как послушный исполнитель надо самых нехороших приказов, вещей и так далее. И если так посмотреть назад на прошлый век, 20й век, он все-таки был очень жестоким. Было 2 разрушительных войны: Первая мировая и Вторая мировая война, но была и революция, как ее называют, некоторые другие называют, что это был переворот государственный в России и приход к власти большевиков. И вот отсюда началось... Если во Второй мировой войне, так цифры говорят, около 60 миллионов жизней было загублено, то я читала в одном летнем издании в 2007 году «Леттре Интернационал» (вот есть такой журнал) – один немецкий историк дает цифру 100 миллионов. 100 миллионов человеческих жизней, которые были загублены вот этим террором, красным террором. И первые, кто принял на себя удар, это был русский народ, народы, которые проживали в России. А потом это кровавое колесо покатались дальше. Тот же сценарий был везде. Унижать людей, унижать человеческое достоинство, подчинять себе волю людей, вселять страх и вот на такой почве руководить. Даже если были какие-то социальные проблемы в какой-то мере решены, все же что касается идеологии – идеология была очень пагубная. Очень пагубная. И молодое поколение, которое идет за нами, должно пересмотреть все эти события, которые были. И какие бы они не были неприглядные, но они были, люди пострадали. Сделать так, чтобы... не то, чтобы раскаться, потому что не народ должен раскаиваться, но поставить вопрос так, чтобы раскаялись те, которые приняли власть от предыдущих. И за их грехи раскаться и сказать правду – было, надо должное тем людям, которые выстояли, помянуть тех, которые погибли и идти другой дорогой – дорогой справедливости, дорогой уважения человеческой личности, человеческого достоинства. Я еще раз повторяю, не какая-то нация делала все это – страдали все нации. Вот только у нас там в Пудино, куда мы с мамой сумели перебраться, только там было 7 или 8 национальностей. А вообще по всей Сибири сколько наций есть – все страдали. Поэтому именно с точки зрения человеческого достоинства, с точки зрения человека все надо решать. И самое главное надо назвать имена тех, которые учинили вот этот произвол, тех, которые создали эту идеологию – идеологию зла и насилия, идеологию уничтожения человеческой личности и достоинства. Мы знаем, что пострадали более известные имена – Анна Ахматова... Вот я недавно слушала передачу за Алексея Леонова, космонавта. Его отец тоже был в 1937 году репрессирован и их выслали 10 детей с мамой из собственного дома. Простые люди, может быть даже будущие художники, будущие ученые, хороший хозяин. Как-то планомерно уничтожалось крестьянство. Переселяли, перегоняли, перемешивали все. К чему это все делалось? Для чего? Зачем и почему? Вот кто ответит на эти вопросы? Конечно, будем надеется, что больше это не повторится, но то, что было, надо изучить, надо восстановить справедливость и в первую очередь осудить систему. Был осужден нацизм, был Нюрнберг – процесс Нюрнберг, осудили нацизм. И надо отдать должное сегодняшней Германии, которая делает все возможное, чтобы этот нацизм больше не восстановился. И нужно и нам – тем, которые прошли через все это, тем, которые идут за нами – осудить эту систему. Ее надо осудить. На голом месте, на неподготовленном месте новый дом не

построишь. Надо осудить систему и отдать должное тем, которые погибли. Очень много людей. Вот скольких я там знаю в Сибири будучи ребенком. Какие прекрасные люди. Они страдали. И за что они страдали? Они сами не знали за что. Потому что была такая система.

Ольга Кривовяз: А какой приговор вынесли вашему отцу?

Лидия Дохотару: На протяжении... уже когда мы вернулись... Мы приехали в Молдавию назад в 1954 году, и вот я по личному делу смотрела – 7 семей тогда освободили. Даже когда мы писали заявления, чтобы нас освободили, слабая была надежда. Было очень много препятствий. Была неопределенность. Но когда мы уже приехали... Что еще хочу сказать... нас разделили с отцом (и не только нас – всех) без права переписывания. Мужчин отвезли в Ивдель, а нас в Сибирь и без права переписки. Совершенно случайно мама... Одна тоже сосланная Тринштейн переписывалась со своим мужем, который был в Ивделе. И как-то мама ее спросила: «Может мой муж там с вами, спросите его». И через несколько... потому что письма шли долго, она маме сказала: «Вы знаете, ваш муж с моим вместе. Напишите ему, вы его поддержите». Я была маленькая, мне где-то 3-4 года было, поэтому со слов мамы говорю. Она говорит, первое, что у нее было – радость, что он жив. А второе, что на нее сразу же – она может сделать ему хуже или нам, если напишет, потому что нас никакой закон, никто не защищал. Мы были совершенно беззащитными. И эта женщина маму поддержала, она сказала, что хуже, чем мы есть, не может быть. «Напишите, вы его поддержите морально». И мама по тому адресу, который дала домна Тринштейн, написала. И через 2-3 месяца она получила первое письмо от отца. Это письмо было на обрывке бумаги, на клочке бумаги. На одной стороне там были какие-то бухгалтерские расчеты, счета, списания какие-то. А на чисто стороне он написал ей несколько слов радости, что мы живы, что мы нашли друг друга и что он надеется, что мы встретимся и пойдем дальше по жизни вместе. Потом мама ему, конечно, тоже написала. Письмо шли долго. Их переписка длилась на протяжении 1944 года. Мне где-то 4 года было. И в одном из писем он написал, если может мама ему прислать что-то из еды. Мама обратилась на почту, сказали, что нельзя, иди в комендатуру. Пошла в комендатуру, сказали нельзя. Нам самим нечего было кушать, но мама подумала что-то продать, какую-то там вещь и хотя бы кусочек сала или какой-то еды ему послать, если можно, не разрешили, сказали нельзя. Мама написала ему письмо, ответ не пришел. Мама еще раз написала. И кто-то на обратной стороне (последнее ее письмо вернулось) было короткое слово «выбыл». И когда вот это слово «выбыл» ее все время мучило: может его перевели в другой лагерь, потому что переводили, может он где-то в другом месте. И уже когда нас освободили, она тут уже в Молдавии начала обращаться в Министерство внутренних дел. Она боялась, чтобы мне не сделать хуже. Сама она все это делала, писала. И в итоге из Министерства внутренних дел ей ответили (это уже ближе к 1990-м годам): обратитесь непосредственно в Ивдель, чтоб получить какие-то данные о вашем муже. Она обратилась туда, у меня есть эта переписка, и мы получили из Ивделя, что он умер 7 июля 1944 года в лагере Ивдель. И кто его знает, где его останки покоятся, в какой-то общей яме с сотнями других несчастных, как и он. Он родился в красивом месте, в горах Карпаты. Не занимался никакой политикой, хотя в личном деле я видела аж две какие-то политические партии. Но тогда у них был такой закон, что те, кто работает с финансами, в финансах, они не имеют права заниматься политической деятельностью, потому что политические партии приходят, уходят, а страна живет за счет финансов. И он не занимался никакой политикой, просто был государственным служащим, а мама – учительница. И все. У них не было никакой... Они не успели даже [построить] собственного дома. Они жили у родителей моей мамы. Двое молодых людей, которые только что создали семью, вдруг оказались в такой страшной ситуации. И вот мама получила, уже из Ивделя получила этот эпикриз, этот документ о его гибели, смерти, взяла его свидетельство о рождении и вот этот документ и дала мне и говорит: «Вот это все, что осталось от твоего отца – свидетельство о рождении и свидетельство о смерти». В 10 месяцев я не могла запомнить его образ, я его знаю только по фотографиям. Фотографии, которые... и люди, которые его знали, говорили, что был очень общительный, добрый человек. Мне об этом многие

говорили, которые знали его. После возвращения, когда мы вернулись маму не устраивали на работу как учительницу. Все время искали какие-то мотивы. Еще был один серьезный мотив, что когда нас ночью вот тогда арестовывали дома, документы, дипломы взял отец. Он погиб в лагере и затерялись эти дипломы – и его, и мамин. И когда мы вернулись у мамы не было диплома о образовании и ее не устраивали учительницей. И она должна была обратиться в Москву, так как она в Яссах окончила, в Министерство иностранных дел и через посольство Румынии через год или через полтора она получила копию диплома. Вот так всю жизнь она должна была бороться с жизнью. Не идти по жизни, а бороться. И устроили ее после многих вот таких переживаний, хождений учительницей в селе, но в другом не в Сынжерее, где тогда училась, потому что я продолжала русскую школу, она была только в Сынжерее. И два человека – это Лазарь Ефимович Эпштейн и Давид Самойлович Гершкович помогли ей устроиться в Сынжерее учительницей. Как раз открывался новый первый класс, свободное место было. И они помогли ей перейти, чтобы мы вместе были, соединились. Вот так всю жизнь у нее были какие-то препятствия, какие-то... но были и хорошие люди, которые каким-то образом протягивали руку помощи. Вот так без каких-либо обещаний. Вот так просто, видя обстановку помогли ей устроиться учительницей. И уже после того, как она вышла на пенсию, у нее возникла ситуация или такое желание рассказать все, через что она прошла. И когда я обратилась в Magazin Istoric с ее записями. Что мне сказали эти люди: они сказали, иногда они должны вмешиваться в текст, есть какие-то допустим... какие-то враждебные настроения, не совсем хорошие мысли или идеи. Но у нее не было... Они мне сказали, мы совершенно ничего не изменили в ее тексте, мы оставили так, как она рассказывает. Она прошла через такую тяжелую жизнь, но ее нет злобы, у нее ненависти, у нее нет сведения счетов с кем-то. Просто она рассказывает. Может даже где-то с каким-то юмором немножко, где-то вот так правдиво все, но она рассказывает о тех людях, которых она встретила. И очень много она сожалела... Она мне говорила: «Ты знаешь, вот смотришь человек страдает, но как помочь, когда я сама еле-еле стою на ногах». Она мне говорила: «Сама несчастная, сама беззащитная я старалась словом помочь, просто поддержать человека морально. Другого выхода не было, другой ситуации не было и возможности не было. Но были все в одинаковой ситуации – нас никто и ничто не защищало. Над нами стояло КГБ, которое за нами и следило, и наблюдало». И так получилось, что те, кто прошли через тюрьмы, депортации, через эти всякие несправедливые решения, постановления, столкнулись с этим жестоким КГБ. И главное, что эта организация все-таки репрессивная, она меняла свои названия, но суть оставалась. Было ЧК, было МГБ, было НКВД, потом КГБ, но суть оставалась та же самая – неуважение к личности, если так сказать обтекаемо. А вообще-то была жестокость, запугивание человека, лишение человека его достоинства, его качеств. И страдали, я уже говорила и еще раз говорю, очень ценные люди, которые могли бы столько принести обществу хорошего, добра. Были и поэты может быть, были и хорошие врачи, и хорошие учителя, были и хорошие писатели. Есть более громкие имена, но есть простые люди которых в один прекрасный момент забирали, и они исчезали – ни за что ни про что, а приписать что-то было совсем не трудно. И вот так мы узнали о гибели отца уже в 90е... точные данные. Я говорила маме: «Мама, если бы он был жив, он бы как-то появился, объявился». Она надеялась. Почему-то это слово «выбыл»... Она говорит: «Может где-то он есть, может он к нам вернется». Но увы, правда была одна. И уже когда она получила это короткое свидетельство о смерти оттуда из Ивделя, он успокоилась – да, его нет в живых.

Ольга Кривовяз: А когда вы подали документы на реабилитацию?

Лидия Дохотару: На реабилитацию мы подали документы в 1989 году. И тут тоже так получилось, что...

Ольга Кривовяз: Мама была еще жива?

Лидия Дохотару: Да, мама была жива. И там в Сынжерее уже получали документы на реабилитацию, она не получала. И она мне говорит: «Напиши заявление в прокуратуру, почему я

не получаю. Тот получил, этот, а я не получаю». Она уже была старенькая. Я говорю: «Получим». А она говорит: «Я хочу умереть с этой бумагой в руках, что в конце концов мне власть простила или сняла с меня тяжелое ярмо». И я обратилась здесь в Кишеневе в прокуратуру летом, в июле 1991 года с заявлением от имени мамы и написала в этом заявлении, что она просит, чтобы ей сообщили результат рассмотрения поданных документов на реабилитацию. И эта прокурор, эта женщина (дай бог ей здоровья, она молодая была) она меня спросила, где вы родились. Я ей сказала, что я успела родиться тут, но первый год жизни «отпраздновала» уже в Сибири, мне было всего 10 месяцев. И она попросила кого-то, нажала какую-то кнопку и принесли личное дело. И она потом мне сказала, что превысила свои полномочия... не было, еще нельзя было показывать. Дай бог ей здоровья, она молодая была. И она вот так мне показывает. Знаете, как справка на какие-то вещи, когда посылаешь куда-то, что на спецпоселении там написан отец, мама и я. Я говорю: «Вы посмотрите, это в 1941 году, я родилась в 1940, мне даже года нету». Она говорит, вы поймите, вас тоже надо реабилитировать. Вы же выросли там, вы были в Сибири. Вас надо реабилитировать. У меня навернулись слезы, начала плакать, она мне дала водички. И своей рукой в этом заявлении дописывает меня. Я говорю: «Ну хорошо, почему там получают, а у мамы задержка?» Мы говорит, должны получить на вашего отца документы из КГБ. Это связано с Ивделем, оттуда. Вот как получают они из Ивделя, они посылают нам в прокуратуру, и мы уже оформляем эти документы на реабилитацию. Она мне как-то так очень благожелательно говорит: «Вы знаете мы сейчас столько трагедий, столько судебных пересматриваем, ворошим бумаги. Я вас прошу успокойтесь: как получим документы на вашего отца, ваша мама получит». И действительно где-то через неделю-полторы мама получила наконец-то этот документ. И отец идет отдельно – он был арестован. За что, про что? Отдельно, как реабилитированный, а я с мамой на другой бумаге иду как тоже реабилитированная – и я, и она – как незаконно репрессированные.

Ольга Кривовяз: 1991 год?

Лидия Дохотару: Да, в 1991 году, если меня память не подводит. Она как-то успокоилась. Она все время говорила: «За что? Почему? За какие грехи?» Ведь столько людей... И даже она в своих воспоминаниях... Вот кто читал, мне говорили – она мало пишет о вас, она о других людях пишет. Но страдали все, она пишет о тех, кто рядом с ней страдали. И она страдали. Мы зависели от одной и той же власти, хотя мы были разные. Мы были разные – из разных семей, с разными судьбами, но нас объединяло одно и тоже: что мы были без вины виноватыми перед властью. И вот эта реабилитация, которую она получила, как-то морально ее успокоила, что все-таки признались, что без вины нас вот так наказали. И еще что хочу сказать, что когда я знакомилась с личными делами, имена тех, которые на нас доносили, были закрыты, потому что нет закона о люстрации и их не выдают, но мы знаем их. И один из них, когда мы вернулись и не раз я с мамой шла, когда встречалась с этим человеком, он снимал вот так шапку и кланялся, здоровался с мамой, и мама ему отвечала. И я как-то сказала: «Мама, как ты можешь этому человеку отвечать? Он столько нам зла причинил». Она мне говорит: «Я ему на приветствие отвечу, но говорить с ним я уже не могу. Не надо на зло отвечать злом. Оставим на божий суд». И действительно божий суд был справедлив с ним. Мы знаем этих людей.

Я хочу сказать, что тогда было какое-то испытание человеческих характеров. Некоторые люди как-то старались отойти, не втягиваться, а другие очень свободно поддавались, доносили, подписывали и посылали людей на смерть. Ведь нас туда не послали на прогулку, нас туда послали умирать и много умерло, и ваши тоже. И вот она мне, когда рассказывала... так вот мы сидели и она последнее время она часто все это повторяла, когда она через себя все это пропускала. И все время задавалась тем же вопросом: ну почему все эти люди должны были страдать, вот что они сделали? «Мама, ну ты получила эту бумагу о реабилитации». «Ну хорошо, а что с этой бумагой я буду делать? Ты не знала отца, ты не знала детства. Загубили мою жизнь. А

сколько таких»? И действительно мы даже не знаем точных цифр тех, которые пострадали по всей бывшей советской империи, по Советскому Союзу. Сколько людей пострадало, может кто-то сказать? Сколько в России, сколько в Украине, сколько в Молдавии, сколько в других? Ведь это были люди.

Ольга Кривовяз: В каком году умерла ваша мама?

Лидия Дохотару: Мама моя умерла в 2002 году в полном сознании. И последними ее словами, вот последними уже на последнем дыхании было тоже самое: «Зачем и почему?» Она уходила в мир иной с той же болью в душе – зачем и почему. В преклонном возрасте я старалась как могла сохранить ей здоровье – там медикаментами, консультациями врачей. Даже когда она писала воспоминания, я дважды ложила ее в больницу. Второй раз когда... я ей говорю: «Мама, может ты остановишься»? Она говорит: «Нет, я буду идти дальше, а ты что хочешь сделаешь с моими записями». И уже я ее старалась вот так морально... Она сама все писала, я не вмешивалась. Есть вещи, которые я тоже от нее знаю, была маленькая, а есть люди и события, которые я уже знаю, которые я уже подросла и все это... И хочу сказать, что вот такие экстремальные условия, в которых мы были, я с раннего детства, даже где-то с 6 лет, с 5 лет определенные события уже помню. Возможно, вот эта экстремальная ситуация, эта тяжесть, которая висела над нами, над нашими судьбами, вот такое восприятие создавало. Вот что у нее – она не сохранила злобы или зла на кого-то. Она всегда говорила, что это система, эта система, которая была, она породила, все она породила. И людей, которые ее поддерживали... И как-то она сказала эту мысль: вот те люди, которые эту систему создали и которые поддерживали... Где-то я вычитала, что 4,5 миллиона вот этих стукачей или как их там называют. Их породила система. Павлика Морозова система породила, он не возник так на голом месте. Вот этих людей надо судить, и тогда мы будем с чистой совестью говорить о тех людях, которые погибли незаслуженно. И особенно у нее болела душа о детях, которые страдали, оставались... Она даже о ваших говорила: «Господи, если бы взяли их в детский дом. В детских домах тоже жизнь – не жизнь, но чтоб там где-то согрелись, что-то покушали, кто-то что-то...» Нет, оставляли, ходили просили милостыню. И вот она описывает такие вещи, что даже трудно поверить, что такое может быть, а оно было.

И что еще я хочу сказать, русский народ – он набожный. Вот там в глуши, в такой изоляции, я не знаю откуда оно, но всегда и при существовании этой системы так это незаконно праздновали всякие разные... то святой Илья, то святой Ион, то святая Марья, то Рождество, то Пасха. Люди праздновали. Русский народ – верующий народ. И они отмечали все эти праздники. Я выросла благодаря этому в набожной среде. Мама бедная, если она с 8 до 8 работала, я говорила ей: «Мама, сегодня такой святой, завтра другой». «Откуда это знаешь?» Вот был там у нас в Пудино один дед Иванчено, наверное, он соблюдал эти, не знаю. Но люди праздновали. В душе человеческой оставалась душевность, и они верили, что есть какая-то сила, которая поможет. И в 1952 году там в наших краях разразился пожар, горела тайга. Сильно горела. И уже мама беспокоилась, очень сухое лето было. Если перекинется поближе сюда, эти хвойные деревья – это же смола, они горят как свечи, сгорит наш дом, наша хатка маленькая (она уже наполовину в земле была) – где мы будем жить, как мы будем жить? Но дал бог, в один прекрасный день, это было в 1952 году, дал бог грозу, причем очень сильную. Гроза, ураган, дождь очень сильный, ливень, очень сильный ливень. Это в 1952 году. И уже там говорили, что это какое-то предзнаменование.

Ольга Кривовяз: Молнии?

Лидия Дохотару: Молнии, да. Даже вот там была Соня Зингер, она из сосланных тоже. И эта гроза, а она подошла к окошечку. Маленькие эти окна. И ее молния обожгла – не помню с правой или с левой стороны. Лицо и рука были обожжены молнией. Но слава богу, не было больше, чтобы... Настолько сильная была гроза. Не знаю сколько там градусов было, но все охали и ахали, что

слишком жаркое лето. Ой, как жарко для этих мест, и загорелась тайга. И был какой-то переполох. Там у нас в наших краях. А потом этот ливень, эта гроза, молнии, гром. И это в 1952 году летом, а в марте в 1953 году умер Сталин, и люди связывали эти 2 события между собой. Так в народе связывали эти два события. Это какое-то знамение было. Ну мы тогда, когда умер Сталин... (мне уже было 13 лет, почти 13) ...мы не знали, что нас ждет дальше, но нас ждали хорошие события. И насколько я помню, насколько я понимаю, первыми начали реабилитировать, отпускать оттуда, которые были с 1941 году сосланные. И в нашем личном деле я видела 7 семей. Кроме нас 3 семьи из Пудино, я их знаю. А еще 3 не знала, с других сел оттуда тоже Пудинский район. И мы ехали назад в вагонах без сопровождения, без вооруженных людей. Маме выдали тогда паспорт. Не было паспорта, не было никаких документов. И когда уже приехали сюда, когда мне уже исполнилось 14 лет, надо было что-то в школе, и уже в Сынжерее я взяла копию свидетельства о рождении. Никаких документов мы не имели. Маме там выдали. И в паспорте была указана статья, на основании которой ей выдали этот документ. И ей, и другим совершеннолетним. Я была еще несовершеннолетней. Мое детство голодное и холодное, обездоленное там прошло в Сибири.

Ольга Кривовяз: В паспорте записали статью?

Лидия Дохотару: Да, какая-то я не помню – или 38я или 58я статья. Я не знаю почему эту статью написали. Но потом когда менялись советские паспорта, уже мы были тут в Молдавии, больше эту статью не ставили ей.

Ольга Кривовяз: А вы помните XX съезд партии? Какой-то это вызвало резонанс? Что-то об этом говорили люди? Ваша мама говорила?

Лидия Дохотару: Да! Какое-то было такое... но знаете все равно XX съезд, на волне этих перемен и даже этого съезда, что там культ личности и прочие-прочие вопросы, которые они ставили, нам было позволено учиться. А дальше уже никто за меня экзамены не сдавал. И кто хотел учиться, так – общеобразовательная школа и все. Вот так. А нам уже можно было учиться дальше, продолжать. То есть мы в какой-то мере, какая-то пусть скромная, пусть начальная реабилитация тогда была, после этого съезда. И я еще была подростком, эти темы мама со мной не обсуждала, но тоже мы как-то вот так разговорились, и она говорит: «Это к лучшему. По-моему, это только начало». И потом осудили самого Хрущева со всеми его новшествами. И действительно до 1990 года... А люди разные, уже и тут когда и я работала, нас в коллективе было четверо, которые прошли через Сибирь. И несколько раз находились такие люди, мол, вы биографии свои скрываете, а что скрывать? Нам нечего скрывать. В конце концов, кому надо знают наши биографии. Мы сейчас знакомимся со своими личными делами в SIS (Служба информации и безопасности в Республике Молдова), в КГБ. Поэтому кому надо было, знали. Но надо было жить, надо было растить детей, надо было как-то... Вот так.

Ольга Кривовяз: А кем вы работали? Какое образование вы в результате получили?

Лидия Дохотару: Я закончила... Вот такая у меня судьба получилась. Родилась я тут в Сынжерей в Молдавии. С 10 месяцев до почти 14 лет, 13 лет детства прошло в Сибири. Приехали мы сюда, я уже была в 7м классе. Закончила 10 классов. Подала документы в мединститут. Поступила в мединститут, и здесь не были все факультеты. И 15 человек, по 15 человек как-то посылали в другие города Союза на 3 факультета, которых не было: стоматология, сангиг (санитарно-гигиенический) и фармацевтический. Посылали в другие города. И вдруг меня (я не знала об этом) определили в Харьков в фармацевтический институт. Я была поначалу очень обескуражена, удивлена, потому что я туда не подавала, я на общемедицинский факультет подавала документы. Ну смирились мы с мамой, даже мама обрадовалась. Это хорошая профессия, ты будешь иметь профессию, ты будешь... Она всегда мне говорила, когда видела, как там мучились люди, она говорит: «Надо всегда стоять на своих ногах, ни от кого не зависеть. Даже пусть ты будешь каким

состоятельным, но жизнь может такое тебе принести, что вдруг оказываешься один на один с судьбой и с ситуацией и надо искать выход». И она всегда мне говорила: «Вот когда ты попадаешь в трудную ситуацию, ищи выход, но чтоб он был с достоинством, достойный выход, чтобы никто после тебя не страдал». Вот она такая была. Так она мне все время долбила в голову. Не то что долбила, а она меня так вот воспитывала, таким образом. Не знаю, насколько я эти ее заветы выполнила. И вот таким образом я кончила в Харкове и стала фармацевтом. Вернулась и нас послали по направлению. По направлению мы должны были вернуться назад, вернулись и на волне всех этих перемен я и еще 3 выпускников, у нас начали увеличивать в медицинском училище набор – нужны были преподаватели. И нас трое туда определили. Я почти всю жизнь проработала преподавателем в медицинском училище. И как-то я не имела педагогической подготовки. Сдала госэкзамены и через 2 месяца вдруг я преподаватель. И спрашивала: «Мама, вот ты как учитель, что ты мне?..» Она говорит: «Я преподаю в начальных классах, я учу детей как писать, как считать, а ты профессию преподаешь. Ты спроси своих коллег, никогда не бойся – спрашивай». И действительно я спрашивала своих коллег, которые уже работали там. И так потихонечку стала преподавателем. И проработала там всю жизнь. Но вот эта рана – она всегда была в душе, и с возрастом как-то она больше кровоточит, или как – дает о себе знать, хотя надо бы кое-что забыть и в то же время не надо забывать. Вот не надо забывать, потому что мы остались жить, мы живем, мы радуемся жизни, а другие этого не имели, они погибли. И те, которые ушли раньше времени, ни за что, ни про что, не имея ну никакой вины, их тоже реабилитировали. И на отца я знакомилась с документами в SIS, а на маму – в МВД. И у того, и у другого в документах прохожу и я, 10-месячный ребенок, как враг народа. И я со слезами читала. И эта женщина, которая мне принесла личное дело, сидела около меня. И я разволновалась так, больно мне стало. Я встала на момент на место моих родителей. Двое молодых людей, ни в чем неповинных, приходят ночью вооруженные люди с криками, с ругательствами, выводят тебя из дома, сажают в машину, потом в грязные вагоны и везут в никуда, на верную смерть. Все это... Вот я как-то встала на какое-то время на их место. Мне как-то стало не по себе. Эта женщина говорит (это было личное дело отца): «Вы знаете, у вашего отца личное дело маленькое, коротенькое». Действительно небольшая папка, никакой вины. Там что-то ему пришил две партии, он никогда ни в одной не состоял. «У нас есть такие личные дела, что по 2-3 тома. А у вас здесь... вы не должны так беспокоиться. Все-таки вы должны успокоиться тем, что вы дожили до того момента, что вы видите, что вас оправдывают. Вы в какой-то мере оправданы». И вот может быть мы сейчас должны сделать все возможное, чтобы оправдать тех, которые не дожили до этих минут. Это надо обязательно. Надо сказать правду, и может быть я не права, историки лучше знают. Мне кажется, так я думаю, что надо осудить систему, тех, которые создали эту систему, и тех, которые ее поддерживали. Ну ни в коем случае не народ. Вот иногда говорят, что это русские. Нет! Русские первые пострадали и страдают и сейчас. Там началось все, все страдания начались там, а потом покатило это красное колесо. И не дай бог, чтобы это повторилось. Нельзя. Все-таки человеческая жизнь должна... Ее надо уважать. Если человек провинился перед законом, совершил беззаконие – да, но если человек никакого беззакония не совершил, зачем ему страдать так тяжело?

Ольга Кривовяз: Когда вы познакомились со своим мужем, он тоже узнал от вас историю вашей семьи?

Лидия Дохотару: Да-да.

Ольга Кривовяз: И у него не было никаких негативных чувств?

Лидия Дохотару: Нет, нет. Он старше меня и потом он видел, когда депортации были. И знаете еще что, у него в семье было? Жена его двоюродного брата в 1949 году была депортирована со своими родителями в Сибирь (она тогда была подростком). Они украинцы. Его жена. И когда после войны пришла власть Советов. Ее отца поставили (так как он знал русский язык)

председателем сельсовета. Но когда начались вот эти депортации, начали ходить и... Его взяли тоже, чтоб ходить по домам ночью людей арестовывать. А он отказался. Он сказал: «Я вчера этому человеку говорил здравствуйте, пожимал руку, а сейчас чтобы я шел и его выводил, посылал в Сибирь?» Он отказался. Сослали его с семьей, и Пашу его дочку. И уже когда они вернулись (они вернулись в 1956 по-моему или в 1955, несколько лет были в Сибири). Но они остались людьми. Отец ее не пошел на это. И прожил он почти по 100 лет. Когда сослали его в Сибирь, он уже тоже был немолодым. Видите как – было испытание человеческой личности. Разные были люди. Одни из боязни, другие из желания заработать что-то, третьи не соглашались. А муж знал. И потом хочу сказать, что он тоже пострадал. Он работал в Политехническом институте преподавателем в 1970е годы. Группа молодых инженеров-преподавателей решили запросить, чтобы им разрешили преподавать на молдавском языке. Их тут же записали в категорию националистов и прогнали с работы. Так что не разрешали. Только на русском языке чтоб было преподавание. Вот такие дела.

Ольга Кривовяз: Может чуть больше фактов или воспоминаний и рассказов мамы о самом аресте, пересылке и об условиях. Какие-то может быть вспомните случаи. Что-то такое.

Лидия Дохотару: Много я от мамы знаю. Вот начиная с 6 лет, вот так дальше я сама уже... Иногда я боялась... Особенно мне были тягостны моменты, когда она шла в комендатуру. Она всегда, вот я уже когда подросла, со мной прощалась. Это очень тяжело. Вы знаете, я уже как-то чувствовала, я ждала. Если я была в школе, я была очень беспокойной – ой, вернулась мама или нет. Вот в такой обстановке я росла. Но она мне начала рассказывать все вот эти ситуации уже когда мы вернулись. И вот она описывает там в своей книге. Я считаю, много случаев. Такие, знаете, очень тяжелые случаи гибели целых семей. Вот она описывает семью Кривовязов. Ведь их было 5 человек. И эти двое подростков, которые, находясь в безвыходном положении, двинулись по тайге просить милостыню. А их мама, их бабушка и самый младший брат на голых досках помирают там, и уже сельчане там сами как могут их хоронят. Власть не беспокоилась – умер и умер. Вот она страшную смерть Линчаков... Линчак. Я видела в книге Линчак написано. Возможно, она ошиблась, потому что она на склоне лет уже это все записывала. Потом она там семью Цырковник. Но я них не знаю, я от нее о них слышала. Я маленькая была. Я была там, но маленькая была, я не могла осмыслить это все и запомнить. Эти девочки из семьи Цырковников они с лицеем были, почти закончили лицей. Умные, воспитанные девочки – они помирали от голода, от холода, от несчастья. И они уже осознавали безвыходность ситуации. Что их ждет – ждет их плохо. Вот это самое страшное. А там были самые такие моменты, когда... тяжелые моменты, я их все помню... когда они шли на эти допросы в комендатуру раз в месяц. Хотя оттуда убежать было невозможно – кругом тайга, дикие звери, а зимой морозы, тем не менее их допрашивали, вызывали в комендатуру. И когда кого-то арестовывали еще раз, то среди взрослых и среди нас детей был какой-то страх. Кто следующий? Кого следующего? Их арестовывали и куда отвозили? Что делали с этими людьми? Это было... Вот я росла в напряженной обстановке. Но в какой-то мере эти люди, которых я уже упоминала, которые находились рядом, они в какой-то мере скрашивали ту безысходность ситуации и то тяжелое состояние. А у мамы был постоянный страх. У нее был страх, что с ней что-то случится, она погибнет, и я останусь одна. И она в своих воспоминаниях описывает судьбу одной девочки Майя. Я не помню ее фамилию, она латышка. Ее отец, как и мой, в лагере умер. Мама ее учительницей в гимназии была, в Риге. Тоже умерла. Она была такая худенькая. Я помню ее так это – худенькая, высокая, блондинка, такие красивые... Хорошенькая девочка была. И вот она пошла по рукам. И вот у нас какая-то была общность сосланных, ведь женщины в основном. Решили ее... вот Мария Алексеевна Гарбузова, она взяла ее к себе. И мама с ней говорили: «Майя, вот ты пойми, ты ошибаешься, так в жизни нельзя. Ты потеряла родителей...» (хотели ее как-то воспитать) И вроде бы помогли ей где-то устроиться в Пудино. Взяли ее как свою, помочь ей. Но в итоге эта Майя пошла по рукам. Потом она где-то исчезла. И мама описывает это. И вот у нее был такой страх – что будет со мной, если я останусь одна. Вот она на тех примерах, которые были... умирали дети, умирали родители. Вот она все

время говорила: «Вот если есть власть, но почему не берут этих детишек в детдом. Хоть малость заботы об этих детях». Нет их оставляли, они ходили. Ну что там в тайге? Где там милостыню, у кого просить, когда кругом была нищета и расстояния большие между населенными пунктами? Время было военное, послевоенное, тяжелое. Летом еще как-то лес кормил – грибы, ягоды каким-то образом люди... И там очень тяжело было. Вот мама описывает, потом и я уже ходила с этим. Поначалу было 200 грамм хлеба на душу, а потом 400 грамм. Он был невкусный, такой липкий, черный, но хлеб. По талонам брали. И то не хватало – надо было стоять в очереди, если доставалось, то брал на этот талончик хлеб. О других продуктах и думать не было. Так растили картошку, что-то в огороде каким-то образом. Уже поближе к... 1953, 1954 год уже чуть-чуть вроде чуть полегче, но нет... Но самое большое была тоска по родным краям и это бесконечное «зачем и почему я тут»? И вот тоже мама описывает (она ведь не знала языка) и когда ночью пришли эти вооруженные люди с ругательствами, криками «эй!» На отца кричали «банкир», потому что он с финансами работал. К маме подошел из этой группы один человек и открыл шкаф и говорит: «Берите эти вещи, берите с собой». Мама говорит, что была так растеряна. А я проснулась и начала плакать, ночью. И дедушка с бабушкой говорят: «Ну хоть ребенка оставьте». Нет! Я была тоже там в списке. И вот этот мужчина маме в этот мешок сунул какие-то там вещи, сам вот так ей сунул. Как они ей там в Сибиригодились! Потому что была растерянная, было неожиданно, было так жестоко все. И уже когда добрались они до места. Это больше месяца они везли их. И маму определили к одной женщине. Эта женщина усталая, голодная миску с картошкой поставила и сказала маме «ешь», а по-румынски «ешь» - это «выходи». И мама поняла, что ей надо выходить. Взяла меня с лавки и выходить. Эта женщина поняла, что мама ее не поняла, взяла ее за руку, подводит к столу, дает ей ложку в руку и говорит: «Кушай, кушай». Это уже тут мы были и мама говорит: «Господи, какие люди разные». А сибиряки – это особенный народ. И вот так потихонечку начала осваивать язык, общаться с людьми и искать выход из ситуации. Но какой выход? Надо работать. А там этот захудалый колхоз в Куликах. И я уже рассказывала, каким образом она сумела выбраться. Благодаря этой Марине Алексеевне. И когда она говорила, что если что-то со мной случится... Марина Алексеевна была старше, а мама была молодая. Молодая – могут арестовать и куда-то увести на какие-то заводы работать. Если я останусь одна, чтобы я слушалась Марину Алексеевну, чтобы я не осталась в Сибири, вернулась назад в Молдавию. И мне это все было как-то страшно, не по себе. Как-то я не могла вот это все освоить до конца. У меня это осталось до сих пор как какой-то страх. И потом еще что было – развивалось какое-то чувство неполноценности, что вот я чем-то ниже, чем другие люди, которые не имеют на себе это ярмо.

Ольга Кривовяз: В школе вы как-то это чувствовали? В школе как это отражалось?

Лидия Дохотару: В школе я хочу сказать были очень хорошие преподаватели, но были и которые себе позволяли так это как-то упрекнуть. Но в основном я в какой-то мере благодарна тем... Вот один раз утром была первая пара, первая лекция по математике и меня вызвали, а я упала, не кушала, голодная. Потеряла на какой-то момент сознание. Эта учительница помогла мне, дала мне подушечку конфеты. Спросила: «Ты кушала?» Я говорю: «Нет». Были и хорошие преподаватели, которые... но были там, я даже не хочу их называть, которые позволяли себе так это, мол, эти сосланные. А почему мы сосланные? Что мы сделали, что нас сослали? Вот это великое переселение народов или как это? Насильственное переселение народов. И даже если – хорошо, обвинили, сослали, но создайте минимальные хотя бы условия для жизни, чтобы эти люди каким-то образом освоились. Нет. В 1949 году не разделяли семьи, вместе были. И было как-то по-другому немножко, помягче. Уже сами там вместе вся семья старались как-то, обустроивались на новом месте, а в 1941 году было очень жестоко, и почти все умерли. Почти, не все, но почти.

Ольга Кривовяз: А пыталась ли вас мама оградить, предупредить, чтобы вы не болтали лишнего? Чтобы молчали?

Лидия Дохотару: Да, она мне часто говорила, что... Во-первых, она сама была очень сдержана со мной. Я ребенок, могла что-то сказать не так, и это было достаточно, чтобы ее еще раз арестовали. Но она мне говорила, если я вижу какую-то ситуацию, чтобы я не вмешивалась, отходила в сторону и не выражала свое мнение. Она мне это говорила. Она как-то умела, у нее такой был мягкий голос. Вот так она мне: «Вот ты видишь, отойди в сторонку и пока ничего не говори, не выражай свое мнение, потерпи». Да, она меня предупреждала. И это тоже отражалось, это тоже формировало и характер, и какую-то боязнь, чтобы не так сказать, не так сделать, какие-то дополнительные переживания. Было.

Ольга Кривовяз: И вы своим детям, своим дочерям рассказывали с самого раннего возраста об этом опыте в вашей семье или позже?

Лидия Дохотару: Мама им рассказывала. Мама мне вырастила моих дочек, и она им рассказывала. И она так говорила: «Не дай бог, чтоб то, что прошла ваша мама (то есть я), чтобы вы пережили». И она им рассказывала. И она всегда говорили им то, что и мне говорила: чтобы вы учились, если даже не учились, но чтобы вы имели свою ситуацию, чтоб вы в любой ситуации могли стоять на своих ногах. Вот это она им все время говорила, чтобы ни от кого не зависели. И она им рассказывала. Они обе ее слушали, задавали вопросы. А младшая дочка (когда она написала свои воспоминания) и надо было посылать в Magazin Istoric, этот журнал, их вводила в компьютер, печатала их. Она первая работала с этим текстом, но мамы уже не было в живых. Она в 2002 году умерла, а это мы в 2005 печатали. И потом она мне уже задавала вопросы по тексту – что и как. И они в курсе, знают все. И как-то... но у них другое восприятие. Для них определенные вещи непонятны – что именно так могло быть, вот так могло случиться. Их потрясли (тоже они маме задавали вопросы) – как вот так вот люди помирили и их оставляли вот так, да? Это было, это было.

Ольга Кривовяз: Ну хорошо. Я думаю, сейчас мы хорошо потрудились. И наверное, мы закончим эту часть.

Лидия Дохотару: Ну что-то получилось?

Ольга Кривовяз: Конечно, я уверена. Пока мы закончим и, если что, продолжим в следующий раз.